

—

Лян Цзинцзин аккуратно разложила распечатанные материалы, затем повернулась и увидела высокого молодого человека, стоящего у двери.

Сначала она испугалась, а затем услышала, как Тао Минчжуо окликнул её: «Секретарь Лян».

Лян Цзинцзин на мгновение замерла. «Ах... это вы».

Лян Цзинцзин радовалась, что успела быстро среагировать и в последний момент проглотила почти вырвавшееся слово «обед».

К Тао Минчжуо Лян Цзинцзин испытывала чувство благодарности. Ведь она была единственной, кто знал о болезни Цзин Ци, и единственной, кто понимал, какую огромную надежду принесло появление Тао Минчжуо в жизнь Цзин Ци.

«Вы пришли к директору Цзину?» Лян Цзинцзин немного подумала и с улыбкой спросила: «У директора Цзина скоро встреча, может быть, вы придёте через час?»

Она увидела, как Тао Минчжуо, казалось, остолбенел, и покачал головой.

«На самом деле, я пришёл к вам». Она услышала, как он нерешительно произнёс: «Я хотел бы узнать у вас, есть ли у директора Цзина что-то, что он особенно любит или не любит в повседневной жизни?»

Лян Цзинцзин: «...Эх?»

Первая «отталкивающая акция» Тао Минчжуо можно сказать, полностью провалилась.

Он проанализировал причины своего провала и пришёл к выводу, что это произошло в основном из-за того, что он не знал пристрастий и антипатий Цзин Ци, поэтому не смог принять целенаправленных решений и, таким образом, не смог заставить Цзин Ци возненавидеть его.

Почему у него такой хороший характер? Почему он не сердится, когда всё так? Тао Минчжуо недоумевал. Он чувствовал, что чувства Цзин Ци к нему были ещё глубже, чем он ожидал.

Выпив всю банку молока, Тао Минчжуо решил, что ему нужно действовать целенаправленно.

В конце концов, он решил больше не мучить едой ни себя ни его. Человек — это железо, еда — сталь, а тратить еду — стыдно. Он не хотел повторения такого острого инцидента, как в прошлый раз.

По словам Лян Цзинцзин, Цзин Ци был очень уравновешен и редко выказывал явные пристрастия или антипатии.

«Но если уж говорить, то директор Цзин не очень любит курить», — подумала Лян Цзинцзин. «И он предпочитает относительно тихую обстановку. Что касается хобби... он обычно просит меня бронировать билеты на выставки, наверное, это всё».

Тао Минчжуо решил поочередно преодолеть эти несколько пунктов.

Итак, второй план Тао Минчжуо состоял в том, чтобы сильно дымить перед лицом Цзин Ци.

В реальной жизни Тао Минчжуо ненавидел людей, курящих в общественных местах. Он считал это очень эгоистичным поступком, вредящим как себе, так и другим, и лишь после долгих раздумий принял решение.

От Цзин Ци не пахло дымом, и в его офисе не было пепельницы, поэтому Тао Минчжуо был уверен, что Цзин Ци не курит, и, вероятно, не стал бы связываться с курильщиками.

Они договорились ужинать около шести вечера, поэтому после работы Тао Минчжуо сначала зашёл в круглосуточный магазин под офисом.

Тао Минчжуо на самом деле совсем не разбирался в сигаретах, его глаза разбегались от разноцветных пачек на стене, и в конце концов он выбрал пачку иностранных сигарет, словно вор, сунул её в карман.

Простояв ещё десять минут у входа в компанию, Тао Минчжуо увидел, как Цзин Ци вышел из лифта и подошёл к нему.

Цзин Ци сказал ему: «Добрый вечер».

Тао Минчжуо откликнулся и сказал: «Пошли».

Ужинать с Тао Минчжуо стало для Цзин Ци источником надежды в жизни, а сам Тао Минчжуо стал движущей силой, побуждающей Цзин Ци приходить на работу в компанию.

Сегодня они вместе ели жареный рис.

Тао Минчжуо, ковыряясь в тарелке с рисом, сказал: «Этот жареный рис очень ароматный, в нём есть свиной шкварник, и порция очень большая, разве не вкусно?»

Цзин Ци сказал: «Очень вкусно».

Он смотрел на лицо Тао Минчжуо, опустил голову и медленно съел ложку жареного риса.

За исключением небольшого инцидента с острым шашлыком, последние несколько дней ужина проходили очень гладко. Тао Минчжуо водил Цзин Ци по маленьким забегаловкам, где он обычно ест.

И в последнее время, во время еды, Тао Минчжуо редко впадал в необъяснимую задумчивость, а возвращался к своему прежнему состоянию, когда он ел с аппетитом и сосредоточенно.

На самом деле, ощущения от ужина отличаются от обеда в офисе. Вечер — это личное время, и атмосфера их общения, казалось, была менее скованной, чем обычно в офисе.

Цзин Ци чувствовал, что сейчас трудно определить его отношения с Тао Минчжуо.

Они не были ни начальником и подчиненным, ни обычными друзьями, а представляли собой нечто тонкое, трудноопределимое. Цзин Ци решил временно определить эти отношения как «друзья по еде».

По логике вещей, после еды настало время расставаться.

Но, что было необычно, после того как они расплатились, Тао Минчжуо сам предложил:

«Рядом река, может, прогуляемся, чтобы переварить еду?»

Цзин Ци замер и сказал: «Хорошо».

И вот они немного прогулялись по берегу реки.

Очень странно, но Цзин Ци чувствовал, что Тао Минчжуо, похоже, не был сосредоточен на прогулке, наоборот, он постоянно озирался по сторонам, наблюдая за прохожими.

На берегу реки было тихо, прохожих почти не было, лишь изредка проносились мимо машины.

Затем Цзин Ци увидел, как Тао Минчжуо остановился на месте, повернулся и, сунув руку в карман, произнес: «Эм...»

Цзин Ци тоже остановился.

Только Тао Минчжуо собрался что-то сказать, как рядом с ними остановилась женщина, катившая детскую коляску, и начала разговаривать по телефону.

Цзин Ци увидел, как Тао Минчжуо снова вынул руку из кармана и, словно с болью, глубоко вздохнул: «...Эм, кажется, всё же немного переел, может, прогуляемся ещё немного?»

Пройдя еще пять минут, Цзин Ци увидел, как Тао Минчжуо наконец снова остановился и снова повернулся.

В то же время он увидел, как Тао Минчжуо достал из кармана пачку сигарет и очень громко сказал: «Ах, на меня напал приступ зависимости».

Цзин Ци: «...?»

Тао Минчжуо действительно устал.

Он не ожидал, что будет так трудно найти место с хорошей циркуляцией воздуха, где не будет прохожих, особенно женщин и детей.

Как и ожидалось, увидев, как он достаёт сигареты из кармана, Цзин Ци изобразил некоторое удивление.

Тао Минчжуо был очень доволен реакцией Цзин Ци, он небрежно сказал: «Извини, старая привычка, когда нет вдохновения рисовать, люблю покурить, не могу бросить».

«Ты не против, если я выкурю сигарету?» — он посмотрел в глаза Цзин Ци.

Цзин Ци задумчиво посмотрел на пачку сигарет в руке Тао Минчжуо.

«Ничего страшного», — услышал он, как сказал Цзин Ци, — «Кури».

Тао Минчжуо тоже предвидел такой ответ, он опустил голову, глубоко вздохнул и решил начать своё представление.

Тао Минчжуо не распаковывал сигареты, и пока он ломал голову над тем, как открыть пачку, услышал, как Цзин Ци нерешительно спросил: «Так ты всегда предпочитал курить женские сигареты?»

Тао Минчжуо: «...?»

Он опустил голову и внимательно рассмотрел пачку. Хотя на ней были надписи на английском языке, на боковой стороне пачки был логотип туфли на высоком каблуке, что, казалось, действительно указывало на то, что это сигареты, разработанные специально для женщин.

Тао Минчжуо просто остолбенел.

Когда он покупал, он совершенно не мог отличить разные марки, а за ним стояла длинная очередь, так что у него не было времени изучать.

В итоге он мог только полагаться на внешний вид, выбрав пачку, которая выглядела довольно красиво, главным образом потому, что Тао Минчжуо считал, что светлые тона выглядят довольно стильно.

Тао Минчжуо почувствовал, что его лицо немного напряглось: «Личная привычка, особенное пристрастие, разве... разве нельзя?»

Он боялся, что Цзин Ци что-то заподозрит, но Цзин Ци, кажется, не придавал этому значения, лишь улыбнулся и кивнул: «Женские сигареты действительно мягче».

Тао Минчжуо выдохнул.

Представление уже началось, и хотя реквизит немного подвёл, Тао Минчжуо решительно продолжил играть.

Тао Минчжуо неловко, с трудом достал одну сигарету, Цзин Ци спокойно наблюдал за его действиями, не говоря ни слова.

Тао Минчжуо сказал: «Я, я правда закурю, хорошо?»

Цзин Ци на самом деле не понимал, почему Тао Минчжуо постоянно спрашивает его мнения о такой мелочи, как курение, но он всё равно кивнул: «Кури».

Однако, что странно, словно вспомнив что-то, Тао Минчжуо не стал продолжать, а замер на месте, держа в руке сигарету.

Цзин Ци с недоумением смотрел на его лицо.

Воздух на мгновение тонко застыл.

Спустя некоторое время Цзин Ци нерешительно произнёс: «Ты что... без огня?»

Пятнадцать минут спустя Тао Минчжуо вышел из ближайшего круглосуточного магазина.

Опозорившись дважды за этот вечер, Тао Минчжуо уже полностью оцепенел. Сейчас он хотел только поскорее выкурить эту проклятую сигарету и закончить это представление.

У реки был сильный ветер, Тао Минчжуо немного неуклюже нажимал на зажигалку, пламя дрожало, и он с трудом, трясущимися руками, зажёл сигарету.

Затем Тао Минчжуо зажал сигарету и сделал вид, что спокоен, затянувшись.

Хотя вкус женских сигарет был мягче, чем у обычных, Тао Минчжуо курил впервые, и его

глаза сразу же зашипало от дыма, и он весь вздрогнул.

Но он всё равно должен был сделать вид, что ему всё равно, и спросил: «Кхм... Кхм, тебе нравятся курящие люди?»

Цзин Ци посмотрел на его лицо и улыбнулся: «Не очень».

Как только Тао Минчжуо услышал, что Цзин Ци сказал «не очень», он почувствовал, что его цель достигнута, и сразу же взбодрился.

Терпя зуд в горле, он эмоционально продекламировал заранее заготовленный текст: «Ах, извини, пожалуйста, я из тех людей, кто зависим от табака, как бы это сказать, я знаю, что это, конечно, немного бескультурно, но просто не могу бросить...»

Цзин Ци посмотрел на Тао Минчжуо и мягко сказал: «Иногда выкурить сигарету — это нормально, и мне кажется, я раньше не видел, чтобы ты курил».

Тао Минчжуо настороженно поднял глаза: «Это... это ты просто не видел, я курю очень много втихаря, и мне наплевать на чувства окружающих, очень эгоистично».

Цзин Ци сказал: «О... Но, разве ты специально не нашёл безлюдное место?»

Тао Минчжуо: «...Совершенно не понимаю, о чём ты говоришь».

Дым рассеялся, и Тао Минчжуо сам уже чувствовал себя неважно, но ему пришлось продолжать курить.

Цзин Ци тоже ничего не сказал, просто смотрел на блики света на реке, тихо стоял рядом с ним, дожидаясь, пока он докурит, не выказывая никакого недовольства.

Тао Минчжуо решил выпустить свой главный козырь.

Он сделал паузу, снова достал из кармана пачку сигарет и протянул её Цзин Ци: «Скучно стоять? Как насчет того, чтобы присоединиться ко мне и попробовать что-нибудь новое?»

Цзин Ци повернул голову, посмотрел на лицо Тао Минчжуо, но ничего не сказал.

Тао Минчжуо чувствовал, что на этот раз даже самый терпеливый человек, вероятно, разозлится.

В конце концов, Цзин Ци ясно дал понять, что не любит курить, но он всё равно дымил рядом с ним, не обращая внимания на его чувства, и даже теперь нагло приглашал его присоединиться.

Цзин Ци слишком долго молчал, Тао Минчжуо почувствовал, что, возможно, он зашёл слишком далеко, и отдёргнул руку назад: «Ладно, ты...»

Только Тао Минчжуо собирался положить пачку сигарет обратно в карман, как Цзин Ци вдруг протянул руку и взял её.

Он услышал, как Цзин Ци сказал: «Спасибо».

Тао Минчжуо увидел, как Цзин Ци опустил голову, ловко вынул сигарету из пачки, зажал её между пальцами и некоторое время рассматривал.

На мгновение Тао Минчжуо вдруг почувствовал, что даже в таком простом действии, как доставание сигареты, Цзин Ци демонстрировал опыт и хладнокровие, которых у него не было.

Тао Минчжуо интуитивно почувствовал что-то неладное, его кадык дернулся: «Ты ведь... не любишь курить?»

Цзин Ци слегка повертел сигарету между пальцами. Его пальцы были тонкими и длинными, женская сигарета тоже была тонкой и длинной, что в его руке выглядело ещё более эстетично.

«Скорее не то чтобы не любил курящих людей, а не любил само курение», — Цзин Ци тихонько вздохнул. «Что касается причины нелюбви, возможно, это было связано с тем, что тогда у меня не было сильной самодисциплины, поэтому бросить было довольно трудно».

Тао Минчжуо распахнул глаза: «...?»

«Но теперь я уже могу контролировать себя», — Цзин Ци зажал сигарету между пальцами и с улыбкой сказал: «Так что иногда попробовать, наверное, ничего страшного».

Тао Минчжуо увидел, как Цзин Ци опустил голову, его волосы нежно развивались на ветру, брови были немного скрыты, и выражение его лица было не совсем разборчиво.

Он прикусил сигарету, слегка наклонил голову, и его голос был немного нечетким: «Можно прикурить?»

Возможно, из-за того, что в этот момент характер Цзин Ци сильно отличался от обычного, Тао Минчжуо с трудом сообразил, он сказал: «...Хорошо».

Тао Минчжуо подумал, что Цзин Ци имеет в виду, что ему нужно достать зажигалку. Однако в следующую секунду Цзин Ци вдруг, с сигаретой в зубах, придвинулся ближе, прямо к уже зажжённой сигарете, зажатой во рту Тао Минчжуо.

Его движения были очень плавными и естественными. В одно мгновение расстояние между ними сократилось до такой степени, что, казалось, их носы вот-вот соприкоснутся.

Тао Минчжуо мог видеть только дрожащие длинные и мягкие ресницы Цзин Ци, слегка развевающиеся на ветру волосы и оранжевое мерцающее сияние огня, освещающее его лицо.

Цзин Ци поднял глаза, и в тишине ночи свет в его глазах казался ещё нежнее и чище.

Пламя слегка вспыхнуло, сигарета загорелась.

Цзин Ци медленно поднялся, снова зажал сигарету между пальцами, слабо улыбнулся Тао Минчжуо, а затем мягко и расслабленно выдохнул клуб дыма.

«Спасибо», — сказал он Тао Минчжуо.

—